

1. ЗДЕСЬ И ДАЛЕЕ

Мы плаваем в разных морях,
но выходим на тот же берег.
Начинается все всегда с маяка.

Элизабет. BioShock Infinite

1.0

Новая жизнь ничем не отличалась от старой. Заглушив будильник и еще не открыв глаза, Цыпа опросил организм на предмет эйфории и энтузиазма, вызванных вчерашними кардинальными решениями хозяина, — глухо. У организма болела голова, организму не нравилось вставать в половине седьмого, и вот еще что: организму сразу и резко захотелось курить. Причем захотелось в ту же миллисекунду, когда Цыпа вспомнил, как ночью на балконе торжественно выбросил бычок, громогласно назвав его последним, и похлопал после в ладоши, потому что он молодец, хороший парень, это правильное решение и теперь-то все пойдет по-другому. Обязательно. Вот увидишь.

Открыв наконец глаза, Цыпа не увидел ничего в новом свете, все было по-старому: календарь с видами Южного берега слева, почти над головой; в ногах — старый плакат

Сабрины (музыкально она Цыпе никогда не нравилась, но мы-то понимаем, что к чему); справа же, на задней стенке шкафа, которым была перегороджена спальня, — церковная репродукция из журнала «Огонек». Календарь говорил о том, что время идет, Сабрина наводила на мысль, что время прошло, а картинку типа иконы повесила мама.

Когда Цыпе с утра было херовато, он интересовался у Девы Марии с перспективным младенцем на руках, зачем мироздание придумано так нелепо и нельзя ли было обойтись без бодунов в наш век просвещения. Но сегодня все вопросы следовало адресовать себе — если ты решил жить по-новому, бросить курить, найти новую работу, то по всем канонам от этого должно стать радостно, ведь это путь просветления, так всегда бывало в кино: все герои, ставшие на путь исправления, обязательно испытывали явное и небывалое воодушевление. Цыпа еще раз тщательно про рентгенил себя в поисках признаков облегчения души, снова ничего не обнаружил, вздохнул, как грустная собака, которая забыла, что недавно ела, и пошел облегчаться. Не душой, так телом.

1.1

Накануне, в самом конце базара, дотошный аудит в лице хмурой бухгалтерши тети Лиды и безымянного плечистого пацанчика на подтанцовке выявил прокурку Цыпой месячного жалования. Так как он торговал сигаретами, то их же и курил, а так как Цыпа был о себе высокого мнения, то потреблял в основном красное «Море»¹, цена пачки которого колебалась в пределах трети-половины маминой пенсии. И курил много, делать-то все равно особо было нечего.

¹ «Море» — крепкие тонкие ароматизированные сигареты, преимущественно женские, супердлинные (120 мм). (Здесь и далее примечание переводчика, если не указано иное.)

Раньше как-то удавалось этот момент запетлять, но в этот раз базарная бухгалтерша взялась за Цыпу крепко. Двадцать минут сверяла накладные с продажными листами, считала блоки, пачки, сигареты поштучно, пересчитывала еще раз, шумно вздыхала и каждый выдох не сулил ничегошеньки хорошего.

— Дима, да ты припух тут, я вижу, — устало скривилась тетя Лида и, повернувшись к охраннику, замахала пачкой накладных у лица, будто жарко ей уже в апреле. — Скажи Рыжему, барыги совсем нюх потеряли!

Резко представив, как парочка таких же плечистых включает мамин уют в розетку, Цыпа моментально объявил, что все это в прошлом, что он бросил курить и теперь товар на лотке будет в целости и сохранности. Что он просто взял сигаретами свою зарплату, уже раскаивается и больше не будет.

Цыпа скорчил самую виноватую рожу, какую только можно, но аудит не велся. И тогда он предложил оштрафовать его на недельную зарплату. «На две», — сказал плечистый парень и тронулся дальше по ряду, а бухгалтерша продолжала что-то говорить, семена сзади и размахивая пачкой бумаг. Стало ясно, что в аудиторской паре за старшего был именно он.

Сосед Филиппыч, который торговал элитным алкоголем типа «Амаретто»¹ и по этой причине был тщательно просчитан первым, проводил их взглядом. «Легко отделался, — улыбнулся он в седые усы и пихнул Цыпу локтем: — Покурим?»

Цыпа рассерженно отмахнулся, он только что расстался с жалованием за шесть недель, и такая суровая ситуация требовала резкого вмешательства. И он вмешался. О да.

¹ Амаретто (от *итал.* амаго — слегка горьковатый) — итальянский ликер, один из первых видов иностранного алкоголя, массово появившийся на рынке стран бывшего СССР.

Тут же. В смеси участвовали: стопарик водки с Филиппычем сразу, полстакашки самогона под подъездом с Костей-Карликом¹, косяк на двоих с ним же, папашин портвешок в пределах ста пятидесяти граммов, половинка джина-тоника, потом термоядерная «Оболонь» и еще один, финальный, полтишок самогошки. В результате дешево и сердито Цыпа дошел до крайнего состояния, в котором пришлось пообещать себе измениться, буквально с утра. Нужно бросать курить, а еще лучше — найти себе новую работу.

Докурив последнюю сигарету из украденной у себя же утром пачки, Цыпа выбросил бычок, закричал на весь двор: «Последний!» — и добавил, чтобы загнать себя в угол обещанием: «Отвечаю!»

1.2

На кухне Цыпа мужественно избежал глазами банку растворимого кофе (связка кофе — сигарета представлялась ему незыблемой, так что пить кофе он тоже, по-видимому, бросил), заварил щепотку каких-то мутных остатков чая и грустно уставился в окно. Светало, пора было идти на базар, распаковываться, но мотивация отсутствовала как таковая: новая жизнь пока начиналась так же грустно, как и старая.

Цыпа попробовал поотжиматься на бицепс спиной к кухонному диванчику, но на скрип явился папаша и прогнал сыночка с крошечной кухни, где даже в моменты семейного воодушевления двум людям было не развернуться. Цыпердюк-старший явно намеревался заварить кофе и закурить, так что младший даже рад был ретироваться подальше от привычных утренних соблазнов.

¹ Костя-Карлик — персонаж фильма «Последнее лето детства», заключительной части кинотрилогии, снятой по романам Анатолия Рыбакова.